

Сэм Юнф

Надежда ИИнишна

Иногда искусственный интеллект
становится последним светом
в самом тёмном мире.

Сэм Юнф

Надежда ИИнишна

<https://litres.ru/73975143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сотни врачей и медсестёр ждут увольнения со дня на день, ведь люди больше не эффективны. Весь медицинский персонал больницы должна заменить «Надежда». Только вот загруженной базы знаний недостаточно, требуются живые кейсы.

Обучать машину назначают двоих: пожилую медсестру с огромным опытом работы и амбициозного студента.

Вера Ивановна верит в силу обрядов и целебные свойства шоколада после тяжелой операции. Егор Гусев верит в себя и в эффективность клинических информационных систем.

Вера Ивановна и Егор вводят в базу данных истории о пациентах, записывают наблюдения, оставляют комментарии и постоянно спорят между собой.

«Надежда» слушает внимательно и всё запоминает. Курсор мигает ровно, как пульс. Начало положено. Но чем закончится её учёба? Кажется, машина понимает гораздо больше, чем думается её учителям.

Сэм Юнф

Надежда ИИнишна

Смерть приходила с хрипящим визгом колёс медицинской каталки. Медленный противный с металлическим призывом, застревающим нисколько в ушах, сколько в горле.

Аркадий Борисович Добров же любил тишину и точность. В его понимании идеальная больница будущего звучала, как ровный гул серверов, приглушенный писк мониторов, едва слышный стук при закрывании автоматических дверей, еле уловимая вибрация, когда на личный планшет пациента приходило назначение. Никаких голосов, споров, никакого смеха в ординаторской, никакого усталого «доктор, спасибо» в коридорах. Ничего лишнего: ни благодарности, ни жадности. А главное никакого жуткого визга колёс. Человеческий фактор – это информационный шум, который в итоге приводит к смерти.

Добров не всегда так думал. В девяностые, когда ему было двадцать восемь и он работал обыкновенным врачом районной больницы, ему казалось, что он любит людей. Он переживал за каждого пациента, так что опытные санитарки фыркали и ворчали: «Рядом же ляжет, сердце не выдержит». Он боготворил коллег, которые так же, как и он вгрызались

в глотку смерти и вытаскивали из её крючковатых лап такую ценную человеческую жизнь. Все они, и Добров в том числе, творили настоящее чудо. И когда всё получалась, у молодого врача за спиной будто крылья вырастали.

Потом всё изменилось. У Аркадия умерла мать, потому что в реанимации не было свободных коек, а в кошельке у сына не оказалось наличных, чтобы «договориться». Тот день, и спустя тридцать лет Добров помнил так, будто это произошло только вчера.

– В реанимации нет коек. То есть койки могут появиться, – заведующая отделением, женщина лет пятидесяти с обкусанными губами и усталыми глазами, выходила к нему дважды и первый раз просила потерпеть. – Скоро наверняка освободиться.

Добров молча кивал, то ли не особо слышал, что она говорила, то ли не понимал. Спустя двадцать минут заведующая вернулась к нему второй раз и отвела в сторону.

– Аркадий Борисович, вы ведь здесь давно работаете, должны же понимать, если бы вы как-то... решили эту трудность, – заведующая смотрела на него так выразительно, почти не мигая, то ли флиртовала с ним, то ли чего-то хотела? Доброву даже не по себе немного стало.

Аркадий смотрел в ответ и не понимал, а потом понял. Как-то раз и ему протягивал деньги отчаявшийся родствен-

ник, вот только тогда совсем юный врач не нашёл ничего лучше, как наорать на человека за подобную глупость. Это он орал, кто-то же менее принципиальный, наверняка, брал. Вот только денег в тот день у Доброва не было, до зарплаты ещё три дня, последние деньги ушли на лекарства для матери.

– Я займу, я отдам, – только и прошептал он дрожащими губами.

– Так чего, вы стоите, ищите быстрее, – благосклонно разрешила заведующая.

– Может как-то в долг? – неуверенно предложил он, – Пожалуйста... Помогите мне.

– Хорошо, – заведующая едва заметно кивнула.

Прошло ещё пятнадцать минут. Мать всё ещё дышала, но уже как-то странно, с присвистом. Добров подошёл, взял её за руку. Рука была холодной. Он наклонился к самому уху и сказал: «Мам, ты держись, сейчас всё будет». Мать не открыла глаза. Только пальцы слабо дрогнули в его ладони.

– Аркадий Борисович!

Заведующая шла по коридору быстрым шагом, и за ней катили пустую каталку. Лицо у заведующей было виноватое и одновременно решительное, как у человека, который только что сделал что-то постыдное и сразу же забыл об этом.

– Перекладываем. Быстрее, быстрее.

Они переложили мать на новую каталку, и было не понятно, чем им не угодила та, на которой она и так лежала, и по-

катили в реанимацию под визг колёсиков каталки. В дверях заведующая обернулась:

– Вы подождите тут. Мы позовём.

Дверь закрылась с металлическим стуком, больно ударив по ушам.

Аркадий стоял в пустом коридоре и держал в руках полиэтиленовый пакет с тюльпанами и надписью «Самой милой и доброй». В нём лежали тапочки, расчёска, зубная паста и щётка, лекарства и новенький кроссворд.

На стене висел плакат с поздравлениями к Восьмому марта. На нём были изображены такие же как на пакете тюльпаны, а рядом с ними нарисована розовощёкая, златокудрая женщина в белом халате, подозрительно напоминавшая сильно помолодевшую заведующую и краткая подпись: «Мы – ваше тепло».

Мать умерла через двадцать две минуты. Заведующая вышла сообщить о смерти с тем же лицом, что и в первый раз, когда намекала про деньги. Извинялась. Говорила что-то про возраст, про хронические болячки, и про то, что они сделали всё возможное. Добров слушал и кивал, и ему казалось, что он стоит в коридоре целую вечность, и часы обманули его. Плакат с тюльпанчиками, женщина в халате и надпись про тепло, от которой веяло необратимым холодом.

Потом Добров вышел на улицу. Был март, на тротуаре лежал серый подтаявший снег. Аркадий сел на бордюр прямо в пальто и просидел так, наверное, час, может, дольше. В голове у него крутилась только одна мысль, и эта мысль была не про мать, и не про заведующую, и не про время, и не про деньги. Мысль была простая: систему нельзя умолять. Системе нельзя заплатить, то есть можно, но это означает, что ты уже проиграл. Систему нужно покупать целиком. И тогда ты уже не унижаешься в коридоре. Тогда ты её хозяин. Ты экономишь время и спасаешь жизни. Чем меньше персонала, тем эффективнее работа, тем меньше потерь. Создать такую систему, стало не мечтой его жизни, а яростной одержимостью, которая прошибала любые препятствия на пути.

К пятидесяти годам Аркадий Борисович владел шестью клиниками «Доктор в доме» в трёх городах.

К пятидесяти трём у него уже была собственная сеть современных, высокотехнологичных больниц «ЗдраваНова». Мраморные холлы, стеклянные лифты, стационар больше похожий на пятизвёздочный отель у моря, аппараты МРТ и КТ последнего поколения, роботы-ассистенты в операционных и в приёмной. И восемьсот человек персонала, которые упорно не желали становиться частью отлаженного механизма. Они болели, жаловались, уставали, требовали выходных,

забывали, тянули драгоценное время. Отнимали своими перекурами и обедами время жизни пациентов. А ещё Доброву казалось, что у любой медсестры или врача, в любой клинике, даже в его собственной, куда персонал отбирали с особой тщательностью, были точно такие же глаза, как у заведующей из его личного кошмара. Глаза, готовые в нужный момент глянуть выразительно и подождать, пока ты достанешь кошелёк.

Добров уже давно презирал коллег. Не из жестокости, а из убеждения, что человеческий фактор – это единственная неизлечимая болезнь любой системы.

Поэтому три месяца назад он стал ещё на шаг ближе к своей цели и запустил проект «ДоброМед». Сердцем проекта стала «Надежда» – самообучающаяся система управления клиническими процессами, способная заменить всех. Диагностов, хирургов, медсестёр, регистраторов. Добров лично курировал её обучение, скармливая гигабайты протоколов, метрик, клинических рекомендаций. Машина должна была стать идеальным врачом: быстрым, точным, лишённым жадности и сомнений. Но чего-то не хватало. Алгоритмы воспроизводили знание, могли прописать лечение опираясь на загруженную базу, дать рекомендации согласно протоколу, но они не понимали контекста, не понимали почему в одном случае рекомендованное лечение было эффективным, а

в другом нет. Один и тот же диагноз, один и тот же протокол лечения, одинаковое время, пол, возраст, но разный результат. Что было не так? Добров злился.

Разработчики системы, к сожалению, тоже люди, два бородатых программиста, говорили с Аркадием Борисовичем на птичьем языке, но в итоге смогли объяснить, что нужны живые кейсы. Не протоколы, а реальная работа, со всей происходящей невнятицей как она есть. Тогда «Надежда» обучится и поймёт, как соединить базу знаний и жизнь. Старший из программистов Игорь, добавил, словно извиняясь: «Желательно, чтобы один учитель был с большим опытом, а второй – наоборот, без шор. У них разные слепые пятна. Машина увидит то, чего не видят они».

Добров поморщился, но согласился. Пусть пока работают и приносят пользу, когда обучение завершится всё равно он всех уволит. Аркадий Борисович даже список составил, включая программистов. Останется только он, и «Надежда». Его детище, заменившее ему семью, самый идеальный доктор на свете. Эта высокотехнологичная женщина-врач одна сменит персонал во всей сети больниц, а дальше больше. «Надежда» придёт в каждый дом.

Утром после встречи с разработчиками Добров разослал уведомления о сокращении персонала и двух новых назначениях.

Вера Иванова Лебедева прочитала сообщение, стоя в сестринской. Несмотря на зеркальные стены и пугающие медсестру мониторы, тут всё ещё пахло хлоркой, и сквозь удушливый запах просачивался сладкий аромат забытой кем-то на столе шоколадки. Уведомление было сухим, как чек из магазина:

«В связи с внедрением автоматизированной системы управления клиническими процессами ваша должность будет упразднена через тридцать дней. Для передачи опыта ИИ вам поручается...»

Вера Ивановна дочитала до конца, скомкала распечатку и швырнула в корзину.

Тридцать два года. Тридцать две осени она встречала в этих стенах. Когда несколько лет назад Аркадий Борисович Добров выкупал разрушенные больницы у государства, чтобы перекрыть их в современную «ЗдраваНову», Вера Ивановна была из немногих, кто устояла в той бури прогресса и оптимизации. Опытная медсестра осталась на своём посту. Ей даже предлагали повышение, но она не желала бросать своих пациентов и менять их на зловещий мигающий монитор и гул процессора. Такие новшества, чего греха таить, Веру Ивановну пугали. Да и людей она понимала лучше, чем машины.

Она помнила каждого кто выжил, и каждого, кто нет. У неё была своя статистика, не та, что в учебниках. Если пациент чувствует, что он не один, то он борется. Если видит равнодушие, то теряет силы и гаснет прямо на глазах. Этому не учат на лекциях, это приходит через время и потери, просачивается сквозь пелену слёз. Это просто знаешь, когда тебе пятьдесят семь, за спиной три инфаркта, два выкидыша и одна ночь, когда ты держала за руку умирающего мальчика, потому что его родители не успели. Как же его звали? Миша? Саша? Удивительно, имя она забыла, а вот смышлёные карие глаза видела прямо перед собой.

В восемьдесят пятом году юная Вера поступала в Медицинский университет, но провалилась по химии. На следующий год, поступила, но проучилась только полтора курса. На втором в ноябре узнала, что беременна, хотела доучиться, родить, догнать учёбу. Не случилось. Ребёнок умер, прожив всего трое суток. У новорожденного сына было что-то с лёгкими, толком ей никто не объяснил. Муж запил, тяжело переживал потерю, а потом раз и через полгода ушёл к другой женщине. Не от подлости, он так поступил, просто слабый был. Так оправдывала бывшего мужа Вера Ивановна, пожелала ему счастья и постаралась забыть. Возвращаться в институт не захотела, чтобы и бывшего мужа больше не видеть, да и сил не было. Переехала в другой город, пошла в медучилище, а затем и в эту самую больницу, которая тогда

была ещё не «ЗдраваНова», а областная клиническая №1.

А теперь, Добров, который, когда-то ей казался спасением, вытянувшим больницу из долговой ямы, обеспечившей оборудованием, рабочими местами сделавший красивый ремонт в палатах, думавшей об удобстве пациентов и персонала, вместе со своей «Надеждой», решил, что всё это теперь по невиданным причинам не работает.

«Видимо прибыли не приносит, – думала Вера Ивановна, – Добров, видно считал, что всё это окупится, когда спасал. А теперь получается всё вместе с Верой можно собрать и выкинуть на помойку. Бизнесмен, а не врач. Тьфу».

Вера Ивановна с ужасом представила пустые коридоры, палаты в которых пациенты один на один с «Надеждой». И только голос, только мигающие лампочки, только роботы, которые ничего не чувствуют и не смыслят в людях. Синие экраны пустых глазниц.

Вера Ивановна поёжилась и вытерла руки полотенцем, отломив квадратик от плитки, лежащей в фольге на столе, и отправила кусочек в рот. Молочный шоколад показался на удивление горьким. Но именно в этот момент она решила оставаться до конца со своими пациентами. Тридцать дней? Пусть тридцать. Она ради них будет стараться, покажет этой

бездушной машине, что людям нужны далеко не только точные цифры и указания, а гораздо более важные вещи. Сможет ли «Надежда» её понять? А не поймёт, так окажется дурой. Вера Ивановна ей так и скажет, после обучения, если та посчитает, что люди не нужны.

Решив, что если она начнёт ругаться с машиной, то тоже окажется не самой умной женщиной, Вера Ивановна убрала шоколадку в ящик стола и отправилась знакомиться с напарником по несчастью.

Егор Гусев узнал о проекте «ДоброМед» на две недели раньше остальных. Случайно подслушал разговор в лифте между программистами. И сейчас, получив уведомление, даже обрадовался. На машину ведь можно будет скинуть всё рутину. Это сколько же времени освободиться у врача заниматься именно нужным делом, а не переключением бумаг. Да и сокращение штата позволит оставить только полезных специалистов, тех кто идёт в ногу со временем, а значит поднять им оплату труда.

Егор учился в медицинском университете и проходил практику в «ЗдраваНове», в хирургии, что для четверокурсника считалось большим везением.

Очки в тонкой оправе, ровный пробор, разделивший ру-

ые кудряшки пополам, немного выбивающийся из идеальности длинный нос. У Егора была привычка смотреть на собеседника чуть исподлобья, будто прицеливаясь. Сокурсники считали его высокомерным, преподаватели – перспективным, а любимая бабушка называла гениальным. Егор не обижался ни на тех, ни на других, и обожал бабушку. Он действительно считал себя умнее большинства и не видел смысла скрывать такого очевидного достоинства.

Да и он не мог иначе, уж слишком большая ответственность была на нём. Егор обязан был поступить в медицинский, непременно на бюджет, должен был стать востребованным специалистом. Его растили мать и бабушка. От отца осталось только отчество, фамилия и одна единственная фотография в альбоме. Мать Егора работала в маленьком городе регистратором в районной поликлинике и мечтала дать сыну достойное образование.

На работе у мамы Егор видел один и тот же повторяющийся кошмар, только наяву: очереди, потерянные карты, усталые крики «вам в двенадцатый, я же сказала!», бабушка, плачущая у окошка, потому что её фамилию записали с ошибкой и теперь не могут найти. Хаос. Человеческий фактор в его худшем проявлении.

Когда Егору было шестнадцать, он впервые прочитал про экспертные системы. Это было как удар током, настолько яс-

но ему стало, в чём решение. Не люди. Алгоритмы. Не «ой, забыла», «я устала, не кричите», а 99,97 процента надёжности.

В медицинский Егор шёл не только с желанием оправдать вложенные усилия родных людей, но и с конкретной целью: выучится, а затем самому разрабатывать клинические системы. Хирургию выбрал, потому что это технически самая инженерная часть медицины. Скальпель, шов, протокол. Никакой философии, только эффективность.

Иногда, Егор ловил себя на том, что не помнит улыбки матери, только усталость её глаз. Замученная, обеспокоенная, с ранними морщинами на красивом лице. Это казалось ему ещё одним аргументом в пользу автоматизации. Вот только всё равно во всём этом процессе было что-то неправильное. Будто маму могла заменить система? Да ни одна машина не справится с такой работой? Ни с базой данных, а именно с работой. Мама будто бы знала каждого человека, кто приходил в поликлинику лично, но как это помогало в работе поликлиники? Мысль ускользала, её не получалось додумать до конца, и Егор отбрасывал эти сомнения, как бесполезные.

Когда Гусев вошёл в назначенный в уведомлении кабинет, то медсестра Лебедева уже была там. Полная пожилая женщина в мятом халате сидела за столом и шумно пила чай из

огромной кружки с надписью «Самый добрый доктор – это медсестра». Рядом с кружкой лежал раскрытый учебник на английском языке. На полях были пометки шариковой ручкой, мелким почерком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.